

ЕЛКА
СТАРАГО
ФИЛИНА.

77
1338

Е. ШВЕДЕРЪ.

Б. С. С. С. С.

ВЪ КОНТОРЪ ИЗДАТЕЛЯ-КНИГОПРОДАВЦА

А. Д. СТУПИНА.

(Москва, Никольская ул., ряд. съ Ремесленной Управой).

Телефонъ № 44-65.

Комиссіонера Управленія Московской Синодальной Типографіи.

(На почтовую пересылку прошу прилагать **20** коп. на каждый рубль).

Деньги можно присылать марками.

ПОЛНЫЙ КАТАЛОГЪ книгъ, имѣющихся на складѣ, высылается за ТРИ семикоп. марки.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ОБРАЗЦОВЫЯ СКАЗКИ

СОБРАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

В. П. Авенариусъ.

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. Съ рисунками Н. Каразина.

Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ коленкор. переплетѣ 2 р. 25 к.

Книга допущена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ учен. библ. низш. учебн. завед., въ безпл. народн. читал. и библиот., для публич. народныхъ чтеній и въ учен. библ. средн. учебн. завед.

Содержаніе книги. Прологъ. А. Пушкина.—Сказка о царѣ Хлорѣ. Императрицы Екатерины II. (Въ передѣлкѣ В. А.).—Сказка о рыбацкѣ и рыбацѣ. А. Пушкина.—Война мышей и лягушекъ. В. Жуковского.—Городъ въ табакеркѣ. Князя В. Одоевскаго. (Дѣдушки Ириней).—Черная курица. А. Погорѣльскаго. (Въ передѣлкѣ В. А.).—Драматическая сказка объ Иванѣ Царевичѣ, о Жарѣ-Птицѣ и о Сѣромъ Волкѣ. Н. Языкова. (Въ сокращенномъ видѣ).—Старинная сказка о судѣ Шемикѣ (Въ передѣлкѣ В. А.).—Капля жизни И. Тургенева. (Записана Я. Полонскимъ).—Правда и кривда. В. Даля.—Три зятя. М. Михайлова.—Свое и чужое. М. Чистякова.—Озеро-Слободко. Г. Данилевскаго.—Вережа. Кота-Мурлыки.—Мальчикъ у Христа на елкѣ. Ѳ. Достоевскаго.—Мухоморъ. А. Коваленской.—Маленькіны стрѣлки. Н. Ахшарумовой.—Что говоритъ керосинъ въ горящей лампѣ. Ю. Симашко.—Сказка о жабѣ и розѣ. Вс. Гаршина.—Волкъ. Н. Каразина.—Горе. В. Авенариуса.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

Составила М. И. Розонова.

ЕГО ДѢТСТВО, ОТРОЧЕСТВО и ЮНОСТЬ.

(Историческій очеркъ). Съ иллюстр. худож. В. В. Спасскаго.

Цѣна 80 коп., въ папкѣ 1 руб., въ коленкор. перепл. 1 руб. 50 коп.

№ 1-12
1338 2509

Е. ШВЕДЕРЪ.

ЕЛКА (СТАРАГО ФИЛИТТА

И ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ.

Рисунки В. В. Паскаго.

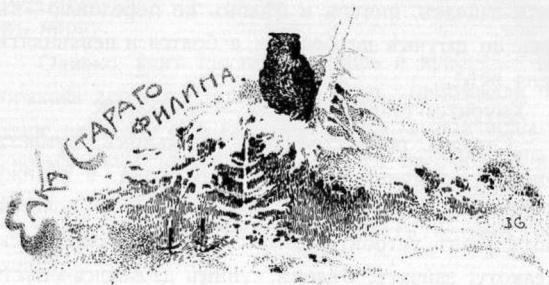
БС

2011094070

МОСКВА.

Типо-литографія „ПЕЧАТНИКЪ“. Хапиловская ул., д. Свѣшниковой.
1910.

Скучно старому филину... Вылѣзъ онъ изъ своего дупла и нахохлился. Кругомъ въ лѣсу тишина ночная, луна сіяетъ, снѣгъ искрится и сверкаетъ, точно усыянный драгоценными камнями... Тѣни кругомъ ползутъ причудливыя, странныя, словно какіе-то сказочные призраки.

Сидитъ филинъ и думаетъ:

„Что за причина такая, что меня всѣ боятся? И зайчата, завидѣвъ меня, въ норку скорѣй забиваются, и бѣлки изъ дупла выглянуть боятся, и пичуги подальше хоронятся... И что, подумаешь, за бѣда, если я поймаю иногда зайчонка или пичугу—

нужно же и мнѣ кормиться на самомъ дѣлѣ? Всѣхъ же я зайчатъ, пичугъ и бѣлокъ не переловлю—въ день по штукѣ не больше, а боятся и ненавидятъ меня всѣ“...

Хмурится старый филинъ—скучно ему.

„Сегодня рождественскій сочельникъ, думаетъ филинъ, радоваться надо, веселиться, а я сижу у своего дупла и летѣть мнѣ никуда не хочется. Вотъ развѣ устроить и мнѣ елку да созвать всю мелкоту: зайчатъ, бѣлокъ, куницъ да ласокъ—пусть сами повеселятся, да меня потѣшать“...

Хлопнулъ филинъ глазами и полетѣлъ по лѣсу выбирать елку, на самой опушкѣ попалась ему красивая, высокая да раскидистая елка. Натаскалъ филинъ сосулекъ ледяныхъ, еловыхъ и сосновыхъ шишекъ, развѣсилъ ихъ по вѣтвямъ, и вышла елка хоть куда. Усѣлся филинъ на самую верхушку и ну зазывать гостей:

— Пожалуйста, гости дорогие; елка готова... угощенья не ждите, за то веселья сколько угодно. Милости просимъ, не мѣшкайте, собирайтесь поскорѣе...

А гости не очень торопятся: выглянетъ зайченокъ, или ласочка изъ норки, поглядить, кто это

ихъ приглашаетъ, покачаетъ головой, да и опять въ норку.

Однако, какъ никакъ, нашлись и храбрецы: набралось десятка полтора бѣлочекъ, прибѣжали четыре зайчонка изъ сосѣдняго лѣса, всякіе виды на своемъ вѣку издавшіе, собрались ласочки да куницы, и начались веселье, смѣхъ и проказы.

Сидитъ филинъ на суку, хлопаетъ глазами, себя хвалить:

„Вотъ какой я—обо всѣхъ подумалъ, обо всѣхъ позаботился. Даже про собственный ужинъ забылъ“.

Думаетъ филинъ про свою доброту да про ужинъ, а самъ нѣтъ, нѣтъ да и скосить глаза на зайчатъ. А зайчата такую возню подняли, что только снѣгъ вихремъ подымается.

Глядѣль-глядѣль филинъ на заячью забаву; да и не вытерпѣлъ: шарахнулся съ сука на землю и вцѣпился въ самага маленькаго зайчонка.

Испугались гости: куницы, бѣлочки, зайчата да ласки разбѣжались въ разныя стороны, кто куда, забились по норамъ, не пикнуть, трясутся отъ страха.

А зайчикъ маленькій вертится въ когтяхъ у филина, плачетъ:

— Что же ты, дядя, звалъ на елку, какъ добрый, а самъ вотъ что дѣлаешь...

А филинъ только глазами повелъ.

А чего жъ тебѣ больше?.. Повеселился и будетъ... Неужели же мнѣ изъ-за твоего веселья безъ ужина оставаться?..

Дѣдко-Морозко.

Сердится Дѣдко-Морозъ: весна близко, а съ нею и его царству конецъ приходитъ. Распушилъ онъ инеемъ деревья, крѣпче сковалъ ручьи и рѣчки ледяною корою, щиплетъ прохожихъ за носъ и уши. Сидятъ дѣтишки дома, поглядываютъ на разрисованныя Дѣдкою-Морозомъ стекла и не пробуютъ даже просить у мамы, чтобы она пустила ихъ покататься съ горы на саночкахъ: все равно, какъ ни проси, въ такой морозъ ни пустить.

Разгуливаетъ Дѣдко-Морозъ по полямъ, по лѣсамъ, по городскимъ улицамъ, похваляется:

— Покажу я еще себя! Будете помнить Дѣдку-Мороза! Я еще не такъ васъ сожму.

Потрескиваютъ въ лѣсу деревья, забиваются въ норки зайчишки косоглазые, ласочки да кунички рѣзвухи: боятся они Дѣдки-Мороза.

Пройдетъ онъ полемъ—и въ полѣ тихо, пусто, мертво.

Надъ городомъ точно туманъ стоитъ—изо всѣхъ трубъ тянется дымъ къ небу. Топятъ люди печки, грѣются у огня.

— Ага, испугались,—думаетъ Дѣдко-Морозъ,—печи топите, въ шубы закутались, по домамъ спрятались. То-то же!..

Гуляетъ Дѣдко-Морозъ, доволенъ, что всѣ его боятся да отъ него прячутся.

Только вдругъ прислушался: будто гдѣ-то кто-то чирикаетъ.

— Это еще что? Что за чириканье такое?

Поглядѣлъ, а на заборѣ воробьи сидятъ, перекликаются.

— Вы чего это шумите?—накинулся на нихъ Дѣдко-Морозъ.

— А мы такъ, про себя разсуждаемъ,—отзываются воробьи.

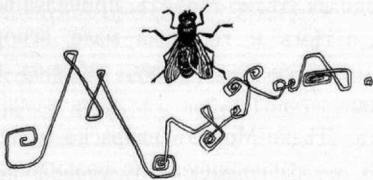
— Про себя?.. Вотъ погодите я вамъ покажу сейчасъ, ишь вы храбрые какіе нашлись!..

— Не пугай, Дѣдко-Морозъ, мы тебя не боимся, чирикаютъ воробьи, все равно скоро уйдешь и наступятъ теплые деньки.

Разсердился Дѣдко-Морозъ, принялся воробьевъ морозить, а тѣмъ и горяшка мало: вспорхнули и полетѣли подъ свою застрѣху, забились поглубже и смѣются:

— Эхъ, Дѣдко-Морозъ, напрасно ты сердишься: злобой то все равно ничего не возьмешь...

— Дзззз... дзззз...—жужжить кто-то въ пыльномъ углу тоненькимъ голоскомъ.

А, это наша старая знакомая—муха. Проснулась она отъ зимней спячки и хочетъ выбраться изъ темнаго угла, погрѣться на весеннемъ солнышкѣ.

Отряхнулась муха отъ пыли, расправила крылышки и лапки, протерла глазки, оглядѣлась—хорошо! Солнышко свѣтитъ такъ ласково, привѣтливо, точно зимы не бывало вовсе. Попробовала муха пролетѣть черезъ всю комнату, да плохо слушаются крылышки—очень ужъ она отошала за зиму—пришлось присѣсть на половинѣ дороги. Сидитъ муха,—думаетъ, чѣмъ бы ей подкрѣпиться. Глядитъ, а на столѣ сколько угодно угощенія припасено: крошки отъ завтрака такъ и остались несметенными со скатерти. Подкрѣшилась муха, повеселѣла. Пролетѣла разъ другой по комнатѣ, посидѣла на

краешкѣ стеклянной банки, въ которой плавали золотыя рыбки, перелетѣла на подоконникъ—на солнышкѣ погрѣться. Бродить муха по стеклу,—радуется теплу и солнышку и не замѣчаетъ, что на нее давно уже паукъ изъ своей щели поглядываетъ—поглядываетъ и смекаетъ: какъ бы это ее ловчѣе схватить. Зазѣвалась муха, а паукъ цапъ-царапъ и готово. Схватилъ муху лапками, опуталъ паутиной и потащилъ въ свою щель. Жужжить, пищить муха, плачется, просить паука отпустить ее на свободу. А паукъ и ухомъ не ведетъ, знай покрѣпче паутиной ее опутываетъ. „Я, говоритъ, матушка, самъ за зиму наголодался, радъ радешенекъ, что, наконецъ-то, ты мнѣ въ лапы попалась!..“

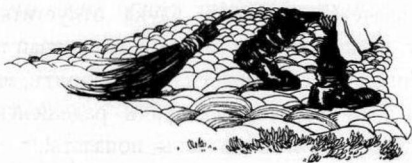
Покончилъ паукъ съ мухой, одни только крылышки да лапки отъ бѣдняжки остались.

Хотѣлъ, было, послѣ обѣда опять въ щель забраться соснуть; да некогда, надо за работу браться: солнышко грѣетъ, весна идетъ, вотъ ужъ и мухи отъ зимней спячки просыпаются, а у него паутина еще не готова.

Ткетъ паукъ паутину, любитъ на свою работу, похваляется: „я ли не мастеръ, я ли не искусникъ, ни одна муха мимо моей паутины не пролетитъ!..“

Да не долго пришлось ему похваться: стали выставлять зимнія рамы, смели паутину метелкой, а паука выбросили за окно во дворъ.

А тамъ попалъ онъ дворнику Ивану подъ сапогъ, и осталось отъ него на пескѣ только пятнышко, да и то дождь смылъ.

— Мама, мы пойдемъ сегодня гу-
лять?—спросилъ маленькій Коля маму за
утреннимъ чаемъ.

— Пойдемъ, пойдемъ, дѣтка, пей
скорѣй чай и бери шляпу.

Коля наскоро допилъ свой чай и,
захвативъ шляпу, спустился съ ма-
мой въ садъ.

Быль май мѣсяцъ. Въ саду расцвѣтала черемуха, отцвѣтали яблоки и вишни, и лепестки ихъ словно снѣжинки бѣлѣли на дорожкахъ.

Около цвѣтовъ жужжали трудолюбивыя пчелы, собирая медъ. Пестрыя бабочки мелькали то здѣсь, то тамъ, присаживаясь на минутку то на цвѣтокъ маргаритки, то на вѣтку черемухи, и снова летѣли дальше.—Хорошо весною въ саду! Все словно новенькое, только что вымытое, блеститъ и сверкаетъ. Молодые зеленые листики кажутся покрытыми лакомъ, травка словно изумрудная, а про цвѣты и говорить нечего.—Весна—это ихъ праздникъ, ихъ время.

Коля направился съ мамой въ самый дальнѣй уголокъ сада, гдѣ былъ небольшой прудъ, цвѣло много черемухи и стояла старая, зеленая скамейка. Здѣсь мама обыкновенно садилась на скамейку, раскрывала книгу, а Коля строилъ изъ песку домики, устраивалъ садики, или собиралъ букеты изъ маргаритокъ, которыя, словно бѣлыя и розовыя звѣздочки, мелькали въ травѣ.

Сегодня Коля рѣшилъ пробраться черезъ густые кусты крыжовника къ пруду, гдѣ кишмя кишели

Онъ увидѣлъ не окон-
ченное еще маленькое гнѣз-
дышко.

уморительныя головастики и летали пестрыя, блестящія стрекозы.

Осторожно раздвигая колючіе кусты, которые словно стѣна окружали прудъ, Коля вдругъ увидѣлъ хорошенькую птичку, влетѣвшую въ кустъ съ перышкомъ въ клювикѣ.

Колю это очень удивило. Что птичка дѣлаетъ съ перышками? Онъ тихонько подошелъ поближе и сталъ присматриваться. Черезъ минуту птичка снова вылетѣла обратно, но уже безъ перышка.

Коля осторожно раздвинулъ колючія вѣтки и заглянулъ въ середину куста. Тамъ на двухъ переплетшихся вѣточкахъ, онъ увидѣлъ неоконченное еще, маленькое гнѣздышко.

Такъ вотъ зачѣмъ птичкѣ нужны перышки!

Коля очень обрадовался находкѣ. Онъ хорошенько замѣтилъ кустикъ и побѣжалъ къ мамѣ.

— Мама, мама, посмотри-ка,—крикнулъ онъ,—я нашелъ гнѣздышко, посмотри только какое оно хорошенькое! Я и птичку видѣлъ, видѣлъ, какъ она несла туда перышко.

— Ну, пойдемъ, посмотримъ, — сказала мама, откладывая книжку и поднимаясь со скамейки.

Коля съ торжествомъ подвелъ ее къ кусту.

— Вотъ, мамочка, посмотри... Видишь, какое оно хорошенькое...

— Очень хорошенькое. Видишь, какъ искусно птички умѣють строить свои домики. Только не надо имъ мѣшать. Какъ только птичка увидить, что ея гнѣздышко замѣтили, и мѣшаютъ ей работать, она бросить свою постройку.

— И будетъ строить новое гнѣздышко?—спросилъ Коля.

— Да, и будетъ искать болѣе безопасное мѣсто, гдѣ ей не могутъ помѣшать. Но вѣдь сколько трудовъ ей придется употребить, чтобы снова собрать столько перышекъ, соломы, пуху... Смотришь, у другихъ птичекъ уже дѣтки въ гнѣздѣ пищать, а она только еще гнѣздышко кончаетъ строить. Ну пойдѣмъ, дѣтка, не будемъ мѣшать птичкѣ.

II.

Коля былъ очень добрый мальчикъ. Весь день онъ думалъ о птичкѣ, которой такъ много придется трудиться, чтобы построить свой маленькій домикъ, и рѣшилъ помочь ей. Онъ досталъ кусочекъ ваты; набралъ перышекъ и пуху и устроилъ отличное гнѣздышко.

На слѣдующій день мамѣ нездоровилось, и она не выходила изъ своей комнаты: гулять съ Колей пошла Маша. Коля упросилъ ее пройти къ пруду, и, захвативъ свое сооруженіе, пробрался къ знакомому кусту и положилъ его на мѣсто неоконченнаго еще птичьяго гнѣзда.

„То-то она обрадуется, что ей не нужно будетъ больше трудиться“, думалъ онъ, и съ нетерпѣніемъ сталъ дожидаться часа, когда онъ снова пойдетъ на прогулку, чтобы посмотрѣть, какъ устроилась птичка въ новомъ домикѣ.

Но выйти на прогулку въ садъ пришлось, однако, не скоро. Всю недѣлю безъ перерыва лилъ дождь, и все это время Коля просидѣлъ дома.

Зато какъ онъ обрадовался, когда, наконецъ, выглянуло солнышко и мама позвала его гулять.

Коля въ припрыжку побѣжалъ къ пруду по высохшей еще послѣ дождя дорожкѣ. Вотъ и знакомый кустъ крыжовника... Коля раздвинулъ вѣтки... Что же это такое? Его гнѣздышко пустое и, повидимому, покинутое, намокшее безпомощно повисло на вѣткѣ.

Сконфуженный и огорченный Коля вернулся къ мамѣ.

— Ну что, Коля, не утерпѣлъ — птичку ходиль провѣдать?

— Нѣтъ, мамочка, видишь ли...—началь Коля и покраснѣлъ.

— Ты, вѣрно, трогаль гнѣздышко?—спросила мама, серьезно глядя ему въ глаза.

— Я, мамочка, не хотѣлъ обижать птичку, я хотѣлъ помочь ей и положилъ готовое гнѣздышко...

— И птичка улетѣла совсѣмъ?—подказала мама.—Видишь, дѣтка, я тебя предупреждала, что не нужно мѣшать птичкѣ, она отлично сама сумѣла бы построить свой домикъ и безъ чужой помощи, а ты отнялъ у нея это удовольствіе и заставилъ ее искать болѣе безопаснаго мѣста. Вотъ теперь ей за это придется вдвойнѣ работать.

Затѣялъ споръ макъ, хотя спорить въ сущности было не изъ-за чего: огородъ былъ большой - пребольшой и тянулся онъ отъ стараго фруктоваго сада до большого затянутого ряской пруда, въ которомъ съ утра до вечера полоскались хлопотливыя утки. Мѣста хватало всѣмъ и каждый занималъ назначенное ему огородникомъ Оедуломъ мѣсто—поэтому никому не было ровно никакого дѣла, что у забора, гдѣ до сихъ поръ росли бурьянъ да крапива, выросъ, невѣдомо какъ попавшій сюда, кустикъ розъ.

Мѣста онъ на грядкахъ не занималъ, ютился скромно въ сторонѣ и въ одно прекрасное утро развернулъ лепестки своего перваго цвѣтка. Вотъ тутъ-то и вмѣшался макъ.

— Тоже расцвѣлъ!..—презрительно проворчалъ онъ, поглядывая искоса на распутившійся цвѣтокъ.

— Кто тамъ? — любопытствовала низкорослая рѣпа.

— Да этотъ, какъ его... забылъ даже названіе...

— Чертополохъ?

— Ну, это еще, такъ сказать, свой братъ... Нѣтъ, это, изволите ли видѣть, розанъ...

И макъ презрительно закачалъ головкой, сравнивая исподтишка свои лепестки съ лепестками розана. Онъ былъ самый яркій, самый махровый и самый самоувѣренный изъ всѣхъ маковъ.

— А что это за штука?—спросилъ степенный картофель.

— Это... это... я право затрудняюсь даже, что вамъ отвѣтить. Достаточно, впрочемъ, будетъ сказать, что штука эта вовсе несъѣдобная.

— Несъѣдобная? Развѣ можетъ существовать что-либо подобное?

— Какъ видите, существуетъ,—иронически разсмѣялся макъ.

— Но зачѣмъ?—не понимаю!—Кто этотъ розанъ? Макъ только тряхнулъ махровой головкой.

— Ну, Богъ съ нимъ,—примирительно отозвался горохъ,—онъ вѣдь, кажется, никому не мѣшаетъ...

— Нѣтъ, я не согласенъ!—отозвался ревень.—Почему несъѣдобный и растетъ здѣсь рядомъ съ нами? Я не могу съ этимъ примириться... Вотъ взять, напримѣръ, хотя бы меня...

— Позвольте,—отозвался каіенскій перецъ,—нельзя не говорить только о себѣ!..

— Что можетъ быть съѣдобнѣе хорошихъ щей,—скромно замѣтилъ качанъ капусты.

— Или меня,—пропыхтѣла тыква. Она была такъ толста, что не могла много говорить.

— А я то чѣмъ хуже?—отозвался ворчливо хрѣнь...

А розанъ между тѣмъ развѣтывалъ цвѣтокъ за цвѣткомъ. Но никто уже, кромѣ мака, не обращалъ на него вниманія. Только огородникъ Ое-дулъ, проходя какъ-то мимо, остановился, погля-дѣлъ и пошелъ дальше.

Однажды подъ вечеръ въ огородъ зашла молодая дѣвушка. Осторожно пробираясь между грядками, она подошла къ розану и срѣзала блестящими острыми ножницами всѣ распустившіеся бутоны.

Срѣзанныя розы упали на гробъ, въ которомъ лежалъ блѣдный, неподвижный юноша. Гробъ отнесли на кладбище и вмѣстѣ съ цвѣтами засыпали землю.

Только одинъ цвѣтокъ дѣвушка принесла домой и бережно положила его въ книгу, написанную блѣднымъ юношею. Въ книгѣ говорилось о счастьѣ, о любви, о розахъ, о жизни... И когда дѣвушка читала эту книгу, крупныя слезы падали на высохшій цвѣтокъ, и тогда казалось, что онъ снова оживаетъ и становится такимъ же яркимъ, какъ и въ первый день своей жизни...

Б е р е з к а .

Выросла березка стройная, кудрявая, раскидистая. На привольѣ лѣсной опушки разметала она свои зеленыя вѣтки и радостно перешептывается съ вѣтеркомъ перелетнымъ. Внизу подъ березкой земляника ютится сочная, наливная, душистая, а въ гущѣ вѣтвей поселились птички-пѣвички и распѣваютъ на зарѣ свои пѣсенки звонкія.

Годъ отъ году все хорошееть березка, шире раскидываетъ зеленыя вѣтки съ вырѣзными зубчатыми листочками, точно зимній снѣгъ бѣлѣеть, стройный, прямой, какъ свѣча, стволъ. И вотъ ужъ какой онъ сталъ—не пригнетъ его къ землѣ вѣтеръ, какъ бывало прежде.

И проходятъ, одно за другимъ чередуясь, времена года. Знойнымъ лѣтомъ подъ тѣнь березки прибѣгаетъ и зайчишка усталый, и дѣвушки съ кошелками душистой земляники, и косари съ блестящими косами. Осенью румяною вспыхиваетъ березка золотымъ дождемъ и медленно одинъ за другимъ роняетъ желтые листочки. А тамъ зима идетъ на смѣну осени снѣжная, вьюжная, морозная. Гуляетъ по полямъ и лѣсамъ сердитый Дѣдка-Морозъ, намечаютъ вьюги сугробы высокіе, пушистые, замечаютъ дороги и овраги. А потомъ и зимы нѣтъ—приходить весна радостная, звонкая. Взбухаютъ, разворачиваются почки, и пьютъ корни сладкій, живительный сокъ земли.

Стояла такъ березка и въ эту весну, радовалась теплу, солнышку, разворачивала клейкія, смолистыя почки, буравила корнями рыхлую, оттаявшую землю. И все было такъ, какъ бывало въ

— Эхъ, кажись, глубоко
надрубилъ, — проговорилъ
бълокурый мальчуганъ.

прежніе годы: и солнышко, и голубое весеннее небо, и звонкія пѣсни прилетныхъ пѣвучихъ птичекъ...

Но пришли на опушку ребятишки съ топоромъ, кубышками, подошли они къ березкѣ, поглядѣли на нее, взмахнули топоромъ и глубоко, глубоко вонзили его въ бѣлоснѣжный стволъ. Разъ, другой, третій... Дрогнула березка, тряхнула вѣтвями, и упали съ нихъ на землю прозрачныя капли—слезы... А топоръ врубался все глубже и глубже...

— Эхъ, кажись, глубоко надрубилъ,—проговорилъ бѣлокурый мальчуганъ, въ рыжей, съ торчащею въ разныя стороны ватой, шапченкѣ,—ну да ничего—больше соку пойдетъ.

Придѣлали ребятишки къ свѣжей ранѣ желобокъ, поставили кубышку, и полился въ нее прозрачный, душистый сокъ,—свѣтлая кровь дерева.

Потомъ ушли шумною гурьбою, и осталась березка одна съ глубокою раною, изъ которой медленно, капля за каплей сочилась жизненная сила.

Минула весна, развернулось знойное лѣто, а березка стояла грустная, печальная, не было прежней красы, густой зелени, прохладной тѣни. Листья точно меньше, непригляднѣе стали, а нѣкоторыя

почки и совѣмъ не развернулись. Почернѣлъ, потемнѣлъ бѣлый стволъ, и на мѣстѣ раны выросъ безобразный, ржавый, сочащійся наростъ.

И до осени еще было далеко, а на березкѣ уже мелькнули желтые, умирающіе листья, точно не для нея уже сіяло солнышко, голубѣло небо, кропиль живительный дождикъ.

А на другую весну, когда деревья снова развернули молодые, клейкіе листочки, зазеленѣла травка, зацвѣли подснежники, березка стояла точно зимою, безлистная, печальная, и только кое-гдѣ, на концахъ вѣтвей зеленѣли чахлые листочки.

И чувствовала березка, что не ожить ей уже этою весною, не развернуть своихъ листочковъ, не зазеленѣть попрежнему во всей красѣ, не заживить своей раны, и, умирая, думала: за что такъ безжалостно искалѣчили, погубили ее...

УМНОЕ
ЯБЛОЧКО.

Въ большомъ саду висѣло на деревѣ яблочко. Было тамъ, положимъ, много и другихъ яблокъ, и грушъ, и сладкихъ черешень, но только наше яблочко было совсѣмъ особенное, гордое да самоувѣренное, никого ни знать, ни слушать не хотѣло.

— Ой, не одобровать тебѣ,—начнетъ, бывало, уговаривать его старая яблоня,—болно ты еще молодод да зелено, а надъ всѣмъ смѣешься да всѣхъ

глупѣ себя считаешь. Смотри, какъ бы тебя раньше сроку вѣтеръ не стряхнулъ да воробыи не склевали...

А яблочко только качнется презрительно на вѣткѣ.

— Другіе, молъ, мнѣ не указъ. Пусть они себѣ висятъ, да качаются и ждутъ, пока имъ пора созрѣть придетъ, мнѣ глядѣть на нихъ и ждать нечего, я и теперь совсѣмъ, какъ зрѣлое.

— Ну, ну,—покачала вѣтвями старая яблоня,— посмотрю я на тебя—ужъ больно умно ты...

— А вотъ увидите,—отозвалось яблочко и принялось со всѣхъ силъ тянуть соки изъ родной яблони да на солнышко высовываться.

И на самомъ дѣлѣ—черезъ недѣлку не больше—братья да сестры висятъ себѣ еще совсѣмъ зеленые да незрѣлые, а наше яблочко словно осенью, какъ жаръ горитъ.

— А, что, видите, каково я?

На ту пору въ садъ зашла маленькая дѣвочка съ мамой. Увидѣла она яблочко и обрадовалась:

— Ай, мама, мама, посмотри, какое красивое яблочко—красное, совсѣмъ навѣрное зрѣлое. Я сорву его, мамочка, попробую. Сорвала дѣвочка

яблочко откусила кусочекъ и не могла его проглотить: носикъ сморщился, губки искривились.

— Фу, кислятина какая... На видъ же, посмотришь,—совсѣмъ зрѣлое...

А мама только разсмѣялась.

СКАЗКА
О ЛЯГУШКѢ.

У самого болотца жила Лягушка-Квакушка. Была она самою маленькою изъ всѣхъ лягушекъ, но храбростью отличалась непомерною; все для нея были пустяки. Хвасталась она, что даже аистовъ длинноногихъ не боится,—а ужъ что можетъ быть для лягушекъ страшнѣе аиста? Вотъ эта то Лягушка и собралась въ гости къ своей тетушкѣ — не ближе не дальше, какъ къ ручейку, что протекалъ у опушки лѣса.

*Толя изловилъ её и по-
садилъ въ коробочку.*

Закусила Лягушка мушкой-козявкой, расправила лапки и поскакала. Скачетъ себѣ по травкѣ-муравкѣ и напѣваетъ:

„Вотъ лягушка по дорожкѣ
Скачетъ, вытянувши ножки.
Ква-ква-ква-ква-ква“...

Прыгнетъ разъ, другой, остановится, полюбуется на окрестности и опять маршъ дальше.

Къ полудню выбралась Лягушка-Квакушка на большую дорогу. Притомилась порядкомъ и присѣла отдохнуть на солнечномъ пригрѣвѣ. Грѣтся Лягушка, а сама по сторонамъ зорко поглядываетъ, не подвернется ли ей на завтракъ какой-нибудь зазѣвавшійся комарикъ. Заглядѣлась Лягушка на комариковъ и не замѣтила, какъ выбѣжали на дорогу изъ лѣса дѣти—Толя и Ирочка. Рожицы у нихъ были намазаны черникой, волосенки растрепались, а въ рукахъ они несли большіе букеты цвѣтовъ для мамы.

Увидала Ирочка Лягушку—испугалась.

— Ай, ай! Зюкъ, зюкъ!

Она была маленькая, плохо выговаривала букву „ж“ и не могла отличить лягушку отъ жука.

Подбѣжалъ Толя къ Ирочкѣ, посмотрѣлъ на Лягушку-Квакушку и говорить:

— Это не жукъ, а самая настоящая лягушка. Вотъ постой-ка, я ее поймаю.

Услыхала эти слова Лягушка и хотя и была самая храбрая, а испугалась и пустилась поскорѣе на утекъ. Да не тутъ-то было!

Толя мигомъ изловилъ ее и посадилъ въ коробочку изъ-подъ спичекъ. Вѣдь Лягушка была такая маленькая, что свободно помѣщалась даже въ такой коробочкѣ.

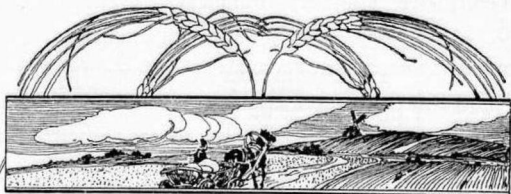
Сидить Лягушка-Квакушка въ коробочкѣ ни жива, ни мертва.

„Ну, думаетъ, что-то теперь со мной будетъ... Пропала, вѣрно, моя головушка и нужно жъ мнѣ было въ гости выбраться“...

А Толя съ Ирочкой пришли тѣмъ временемъ къ ручейку и стали разсуждать, что имъ съ лягушкой дѣлать.

— Давай утопимъ ее, — предложилъ Толя, чтобы она не пугала другой разъ маленькихъ дѣвочекъ.

Сказано сдѣлано. Открывъ Толя коробочку, вытащилъ Лягушку за лапку и бросилъ въ воду. А Лягушкѣ только того и нужно: дрыгнула она лапками разъ, другой и приплыла прямо къ тетушкѣ, что жила въ водѣ подъ большой корягой.

В. Г.

К О Л О С Ъ .

Везъ мужичекъ позднюю осенью мѣшокъ ржи на мельницу. Ъхалъ онъ степью, напрямикъ, торопился къ вечеру домой вернуться. Пробралось одно зернышко сквозь полотно мѣшка, упало на землю и осталось лежать въ степи, никѣмъ незамѣченное.

Пришла зима, укрыла землю бѣлымъ покровомъ, занесла зернышко пушистымъ сугробомъ. Тепло, уютно лежать ему подъ снѣгомъ. Не оглянулось оно, какъ минула зима. Пригрѣло солнышко, темными проталинами покрылась степь. Ярче грѣетъ солнышко, добралось оно и до зернышка, обласкало его теплымъ лучемъ, напоило прозрачной водицей, и ожило зернышко: взбухло, пустило въ землю тоненькій корешокъ.

Пестрымъ ковромъ покрылась степь. Синѣтъ небо, заливаются жаворонки, перекликаются коростели, шныряють суслики. А наше зернышко— поглядите-ка въ какой стройный колось вытянулось оно! Лютъ на него лѣтнія грозы живительную влагу, ласкаетъ жаркое солнце, обвѣваетъ вольный степной вѣтеръ. И весело, пригибаясь къ землѣ, наливается зерномъ, прислушиваясь къ трескотнѣ неугомонныхъ кузнечиковъ, жужжанью сердитыхъ шмелей, посвистыванью сусликовъ.

А тамъ снова подкралась осень. Незамѣтно замерла, притихла, опустила степь, поблекла трава, пригнулась къ землѣ вялая, помертвѣлая. Пригнулся къ землѣ и колось, качается и думаетъ невеселую думу: „зачѣмъ я попалъ одинъ сюда въ степь? Росъ бы я въ полѣ дружную семью, съ другими колосьями, сжали бы насъ всѣхъ вмѣстѣ, связали бы въ снопы, намолотили бы золотистаго зерна... А теперь, такъ видно и придется погибнуть одному безъ пользы“...

Серебристымъ инеемъ заморозковъ блеснула степь. Нависло угрюмое небо. Холодно, непривѣтно кругомъ.

Летить черезъ степь голодная синичка. Слабѣ-

Упала синичка на го-
лую холодную землю и
думаетъ.

ють крылышки, — вотъ, вотъ упадетъ на землю... А упасть страшно; упадешь, пожалуй, уже не поднимишься больше и придется замерзнуть въ степи. Выбивается изъ силъ птичка; машетъ крылышками, да нѣтъ, ничего не подѣлаешь; не хватаетъ силъ бороться противъ холоднаго, осенняго вѣтра.

Упала синичка на голую, холодную землю и думаетъ: кончено, теперь все — придется замерзнуть. Только повернула головку и видитъ — лежитъ рядомъ золотистый, полный зерна колось.

Обрадовалась птичка; не придется ей умереть голодною смертию, замерзнуть въ пустынной степи — спасъ ее отъ смерти, выросшій, изъ затерявшагося случайно зернышка, одиноко выросшій въ степи колось.

Пусто, тихо зимою въ
лѣсу, не слышно звонкихъ птичьихъ
голосовъ, не жужжать неугомонные
жучки и букашки, не мелькаютъ пестрыя бабочки,
не долбить кору труженникъ-дятель. Спитъ зимою
лѣсъ, отдыхаетъ, набираясь новыхъ силъ къ веснѣ.
Спятъ подъ снѣжнымъ покровомъ великаны де-
ревья и грезятъ о лѣтѣ, о теплѣ, о яркомъ солнышкѣ,
тепломъ дождикѣ и пѣвуняхъ птичкахъ. Дремлетъ
и маленькая, зеленая елочка, вся засыпанная бѣлымъ,
пушистымъ снѣгомъ. Тепло ей подъ снѣжимъ по-
кровомъ, защищаютъ ее отъ суровыхъ метелей
старшія сестрицы и не страшенъ ей сердитый Дѣдко-
Морозъ. Сквозь сладкую дрему слышитъ елочка,
какъ пріѣхали раннимъ утромъ въ лѣсъ люди, какъ

стучали и шумѣли они, вспугивая голодныхъ воронъ, какъ, наконецъ, подошли они къ ней, стукнули по ея прямому, стройному, какъ свѣчка, стволу и понесли ее куда-то... Но что ей за дѣло до того, что съ ней сдѣлають теперь? Вотъ придетъ весна, повѣетъ тепломъ, потянуть корешки изъ земли сладкіе живительные соки—тогда будетъ чувствовать, радоваться и печалиться елочка, а теперь застыли всѣ ея чувства, мысли и желанія, и не проснуться ей до первыхъ теплыхъ лучей вешняго солнца.

Но что это такое? Неужели весна? Неужели снова выглянуло доброе солнышко? Стоитъ елочка на столѣ, нарядная, разубранная, увѣшанная сластями и игрушками, и радостно вздрагивають ея зеленныя вѣточки. Какъ хорошо, какъ тепло кругомъ, какъ ярко! Во сто разъ ярче Ивановскихъ червячковъ блестятъ разноцвѣтныя свѣчки на ея вѣточкахъ. Звонче птичьихъ голосовъ звучить веселый, дѣтскій смѣхъ, радуется елочка, расправляетъ свои вѣточки и удивляется только: отчего это не посылають ей корешки сладкаго питательнаго сока?

Нѣтъ, вотъ опять случилось что-то странное: правда, елочка немного прожила на свѣтѣ, но она

знаеть, что весна не проходить такъ скоро. А между тѣмъ снова морозъ сковываетъ ея вѣточки, и засыпаетъ ихъ сѣдыми, пушистыми хлопьями снѣгъ. Лежить елочка, заброшенная между грудями дровъ, сковываетъ ее снова зимняя дрема, но, засыпая, она все-таки надѣется, что вотъ, вотъ снова повѣетъ тепломъ, свѣтомъ, вспыхнуть веселые огоньки, зазвучать радостные голоса...

А когда пришла настоящая весна, зажурчали ручейки, распустились листочки, запестрѣли желтыя звѣздочки одуванчиковъ — елочка лежала грязная, побурѣлая, съ обломанными вѣтками, и ей было все равно, что на дворѣ стоитъ весна, что щебечуть птички, распускаются цвѣты и журчатъ ручейки.

Она уже ничего не чувствовала.

	стр.
Елка старого филина	3
Дѣдко - Морозъ	7
Муха	10
Гнѣздышко	13
Сказка о розахъ	21
Березка	25
Умное яблочко	31
Сказка о лягушкѣ	34
Колось	39
Рождественская сказочка	44

1480
ВЪ КОНТОРЪ ИЗДАТЕЛЯ-КНИГОПРОДАВЦА

А. Д. Ступина,

МОСКВА, Никольская ул., рядомъ съ Ремесленной Управой.
Коммисіонера Управленія Московской Синодальной Типографіи.

На почтовую пересылку прошу прилагать 20 коп. на каждый рубль.
Полный каталогъ книгъ, имѣющихся на складѣ, высылается за ТРИ
семикопеечныя марки.

ДЕНЬГИ можно присылать МАРКАМИ.

ЗИМНІЯ СУМЕРКИ.

Составилъ А. А. Федоровъ-Давыдовъ.

РАЗСКАЗЫ, СКАЗКИ И СТИХОТВОРЕНІЯ. Съ рисунками.

Краткое содержаніе книжки: Зайкина невѣста. Сказка. — Бродяга. Раз-
сказъ. — Кикимора. Изъ прошлаго. — Медвѣжонокъ. Разсказъ. — Поѣздъ
идеть. — Мечты елки. Стихотвореніе. — Мальчикъ и бугылка. Святочный
очеркъ.

Ц. 50 коп., въ папкѣ 70 коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. книга допущена въ учен. библ. низш. учил., въ таковыя же
млад. возр. средн. учебн. завед. и въ безпл. народ. читальни и библіотеки.

ЗОРИ ВЕСЕННІЯ.

Составилъ А. А. Федоровъ-Давыдовъ.

РАЗСКАЗЫ, СКАЗКИ И СТИХОТВОРЕНІЯ.

Съ оригинальными рисунк. А. П. Ансима.

Краткое содержаніе книги: Ночь. Стих. — Лѣсъ зимой. Стих. — Бурная
ночь. — Сердце держитъ! Пасхальная картина. — Завѣтная копеечка.
Сказка. — Кириянычъ разсердился. — Страшный сторожъ. — Морская дѣва.
Легенда.

Цѣна 50 коп., въ папкѣ 70 коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. книга допущена въ учен. библ. низш. учил. и въ безпл.
народн. читальни и библіотеки.

ПЕРВЫЕ РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Сост. М. Быкова.

ДЛЯ ДѢТЕЙ, ТОЛЬКО ЧТО НАУЧИВШИХСЯ ЧИТАТЬ. СЪ ИЗЯЩНЫМИ РИСУНКАМИ.

Выпускъ первый. Цѣна 35 коп.

Выпускъ второй. Цѣна 40 коп.

Оба выпуска въ одной папкѣ. Цѣна 1 руб.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. книжка допущена въ учен. библ. низш. учебн. завед., въ безпл. народн. читал. и библ. для публичн. народн. чтеній; и, по усмотр. педагог. совета, въ ученич. библ. средн. учебн. заведеній.

СРЕДИ ЖИВОТНЫХЪ.

Сост. И. Дерначевъ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХЪ.

Книга отпечатана крупнымъ шрифтомъ съ рисунками.

Цѣна 75 коп., въ папкѣ 1 рубль.

Краткое содержаніе книги: Кошка-танцоръ.—Привязанность козы къ ребенку.—Ученый слонъ.—Слонъ-няня.—Пудель-игрокъ.—Левъ и Андроклъ.—Обезьяна Шимпанзе.—Гусь и слѣпая старуха.—Умные воробьи.—Воронъ-пьяница.—Пернатые артисты.—Догадливыя пчелы.

КНИГА БЫЛИНЪ.

Составилъ В. П. Авенариусъ.

Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи.

Съ изящно-исполненными рисунками Н. Н. Каразина, В. В. Сласскаго и А. В. Прохорова.

Цѣна 1 р. 60 к., въ папкѣ—1 р. 85 к., въ пер. 2 р. 35 к.

Книга одобрена для награды учащимся.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ безпл. нар. читал. и библ., въ ученич. библ. средн. учебн. завед. и въ учительскія библ. низшихъ учебн. заведеній.

Рекомендована Учен. Комит. собст. Е. И. В. Канцеляріи по учрежд. Имп. Маріи для учебн. и воспитательныхъ заведеній какъ классное пособие и для подарковъ.

ПО РУССКИМЪ НАРОДНЫМЪ СКАЗКАМЪ.

Составиль **А. А. Федоровъ-Давыдовъ.** Съ рисунками.

Цѣна 40 коп., въ папкѣ 60 коп.

ПО НАРОДНЫМЪ КОЛЫБЕЛЬНЫМЪ ПѢСНЯМЪ.

Жизнеописаніе составилъ **А. А. Федоровъ-Давыдовъ.** Съ рисунками.

Цѣна 35 коп., въ папкѣ 55 коп.

ЯБЛОНЬКА.

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА.

Кл. Лунашевичъ.

Рисунки **В. В. Спасскаго.**

Содержаніе книги: Разлука. — Всякому свос. — Откуда взялась яблонька. — Дѣйствительность и мечты. — Жизнь, какъ она есть. — Сердце сердцу вѣсть подастъ. — Яблоня цвѣтетъ. — Сапоги и цвѣты. — Борьба и побѣда. — Черезъ 25 лѣтъ. — Праздникъ древонасажденія.

Цѣна 75 коп., въ папкѣ 1 руб.

Цѣна 30 коп., въ папкѣ 40 коп.

